

В Каннах смотрят наше новое кино

АРОМАТЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Независимая пресса. — 1999. — 26 авг. — с. 7

Григорий Заславский

ФИЛЬМ «Женская собственность» был снят Дмитрием Месхиевым в 1998 году.

Семнадцатого сентября кинокомпания «Слово» планировала провести шумную премьеру самой ленты и начатою ею проекта «Русский декамерон». Уже были готовы рекламные ролики, которые хотели пустить на видеокассетах. Но наступило 17 августа, и потому премьеру пришлось отложить. По словам Елены Яцуры, которая представляет в Каннах серию «Русский декамерон» (кроме «Женской собственности», в Каннах показали и второй фильм из этого же «пакета») — «Тесты для настоящих мужчин», выпускать фильм в прокат было бессмысленно. Если до 17 августа раскупалось до 200 тысяч видеокассет фильма, то после — в течение довольно долгого времени — не более 25 тысяч. Исключения есть — «Особенности национальной рыбалки» и очередные же «Любить по-русски», но они остаются исключениями: и тот и другой фильм «движутся» в массы в фарватере прошлых успехов. Возвращаясь к серии «Русский декамерон»: премьеру первых двух фильмов пока перенесли на послевыборный февраль будущего года. Но это — в России. Пока же обе ленты были показаны на фестивале русского искусства в Каннах.

Надо сказать, что показы новых российских фильмов не собирают в Каннах полные залы. Может быть, тому виной самый разгар купального сезона? Может быть. Афиш в городе много. И больших — на придорожных щитах, и из окна почти каждого магазина «грозит» российским триколором афишка-напоминание — на русском и на французском. Отдельные плакаты посвящены спектаклям Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко — «Дон Кихот» и «Евгений Онегин».

С театром, кстати, тут приключилась беда. Из-за задержек с деньгами одного из спонсоров театр, который приехал в Канны «всей семьей» — с хордебалетом, хором, мимансом и всем своим оркестром, —

остался без суточных. Из-за чего чуть было не сорвался «Дон Кихот». Но кое-как уговорили и оркестр, и балет. Спектакль прошел с огромным успехом. Зал был полон, хотя аншлага не было. Но аплодировали, как говорится, за всех. В финале овация длилась минут двадцать, причем зал аплодировал стоя. Солистов — Наталию Ледовскую и Дмитрия Забалурина — зрители вызывали после каждого номера и просто не давали продолжать спектакль своими восторгами. Как обычно бывает в балете, особый успех сопровождается закулисными драмами. Помимо «мелочей» с суточными Ледовская, рассказывают, растянула ногу, танцевала, приняв обезболивающее, и между номерами даже плакала за сценой. Но в зале об этом и помыслить было нельзя — таким легким и артистичным, свободным был ее танец.

Трудно сказать... Может быть, и не стоило везти за тридевять земель на камерный — не специальный музыкальный фестиваль — большой оркестр. Вероятно, живой звук в зале могли оценить немногие. Иначе, будь в Каннах пенителей классики больше, не было бы полупустого балкона на «Евгении Онегине», где Татьяну совершенно и блистательно пела в понедельник вечером Ольга Гурыкова.

Но, повторяю, вины организаторов в этом нет.

В чем есть? Ну в том, например, что не смогли организовать встречи с писателями. Наталья Перова, о которой я позволил с некоторой иронией отозваться в первом репортаже, с чрезвычайной серьезностью подошла к этим встречам. Она приходила с целым чемоданом книг, изданных за эти годы ее «Гласом». Это — английские переводы Улицкой, Платонова, Пелевина, Попова, классиков и современников, если воспользоваться названием одной советской книжной серии. Организаторы привезли в Канны, кроме уже «описанных» мной Улицкой и Арбатовой, Владимира Маканина и Виктора Пелевина. Можно себе представить, сколько бы человек пришло на заранее объявленную встречу с любым из них в Москве или Париже. В Каннах на встречу с Макиным пришло несколько человек, все — русские, московские. К слову, за

час до того на русском языке прошел «круглый стол» по проблемам отечественного кинематографа с участием Владимира Грамматикова, Бориса Токарева, который сейчас возглавляет объединение «Дебют», ректора ВГИКа Александра Новикова, Владимира Хотиненко, критиков и журналистов. Было интересно. Но все-таки несколько странным показалось место действия. Пелевин, к слову, не был удручен таким невниманием и пообещал на завтра — на встречу «с собой» — не прийти: «У меня, — говорит, — ожоги третьей степени. Так и скажите».

Пока, помимо уже описанного успеха Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, больше всего публики собрал показ мод благотворительного фонда Татьяны Михалковой «Русский силуэт». Не являясь специалистом в области моды, я был совершенно шокирован коваными костюмами Сергея Миккульского Михалкова потом рассказала, что общий вес коллекции — около 1,5 тонны; а каждый металлический костюм Миккульского (вероятно, в пору назвать его кузнецом человеческих душ...) весит от 5 до 15 килограмм. Это, конечно, тоже впечатляет, но шокировало другое. Мне почему-то казалось прежде, что курiores, даже и наши, российские, должны думать о том, как эффективно одеть мужчину или женщину. Кольчуги из коллекции «Русские амазонки» едва-едва прикрывали тело, причем редко сразу все «проблемные точки». И если спедрит металл что-то скрывал, то зад оказывался совершенно открытым и волновал публику. Да, девушки прилетели из Москвы в Канны не зря! И конечно, их достоинства были оценены проще, чем звучание оркестра под управлением маэстро Георгия Жемчужина. Все-таки мода — в таком особенно исполнении — более демократичное искусство.

***

Перед началом «Страстного бульвара» Владимир Хотиненко сказал: «Наверное, это — печальная картина: Комму-то она покажется очень печальной. Но она не описывает всю нашу жизнь. Наверное, это — отдельный аромат сегодняшней российской жизни».

О «Страстном бульваре», впервые показанном в конкурсе XXI МКФ, «НГ» уже писала. Потому сейчас — о двух фильмах «Русского декамерона». Но сначала — короткое замечание, касающееся общих черт. В фильме Хотиненко Сергея Колтаков, которого, как известно, за известную во МХАТе имени Чехова и широко в этом театре распространную страсть, наказывали и с которым в конце концов расстались, который отошел от актерского дела и вот сейчас вернулся или возвращается в профессию, играет какого-то жэковского рабочего, который когда-то был актером, etc., etc. В фильме использованы фотографии Колтакова, взятые из реальных спектаклей и, кажется, настоящая актерская записная книжка. Афиши реального театра мелькают, кажется, в «Женской собственности». А в «Тестах для настоящих мужчин» герои и вовсе представляются своими реальными именами, отчествами и фамилиями. Хочется отметить эту черту: навязчивый, тенденциозный, лишний, скажем так, или, во всяком случае, необязательный документализм (хотя Колтаков снимается в фильме по собственному сценарию и параллели, понятно, случайными быть не могут: то есть параллели все — неслучайные, а мистика — от лукавого, уважаемый режиссер клюнул, очевидно, на бесконечно ему родную тему или, вернее, сюжет — о геросе, который сам себе ставит мат, сделав однажды выбор: в «Страстном бульваре» это — решение бывшего артиста Соловьева пройтись по тем адресам, где, как и у высокого предшественника этого конкретного поворота — у Мандельштама, — «мертвецов голоса»). Этот «необязательный документализм», эта «лишняя правда» обречена театральной декорацией...

Впрочем, оба фильма «Русского декамерона» сняты по рассказам Валентина Черных, сценариста фильмов «Москва слезам не верит» и «Любить по-русски». Автор настаивает на правдоподобном характере своих историй (и тут...). Вообще вся серия залумана как мелодраматический цикл. А значит, нужен счастливый финал. Эта необходимость, на мой взгляд, губит обе картины.